

ТВОРЧЕСТВО С.ДОВЛАТОВА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2009 Г.А.Доброзракова

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Статья поступила в редакцию 26.06.2009

Статья посвящена проблеме преемственности художественного опыта русских классиков в прозе писателя-эмигранта С.Довлатова. Автор статьи, рассматривая разные точки зрения на генеалогические корни довлатовского творчества и анализируя эстетические воззрения самого С.Довлатова, приходит к следующему выводу: С.Довлатов – писатель русский, а не западный, доминирующее влияние на его прозу оказала русская классическая литература.

Ключевые слова: обзор исследований по творчеству С.Довлатова, генеалогические корни прозы, эстетические воззрения С.Довлатова, западные традиции, русская классическая литература и Пушкин в творчестве и в прозе С.Довлатова.

Прошло почти двадцать лет со дня смерти известного писателя-эмигранта С.Д.Довлатова, однако вокруг его творчества все еще не утихают споры на тему: Довлатов – писатель русского или западного типа? Примечательно, что именно в последние годы, когда уже написано множество исследований о связи творчества Довлатова с русской литературной традицией, появились работы, авторы которых вовсе отказываются видеть черты преемственности художественного опыта русской классики в прозе Довлатова. Так, Б.Рохлин говорит, что мастерство повествования у Довлатова – дар врожденный и «учение у классиков» ограничилось правильной расстановкой знаков препинания¹. В статье «Развенчание кумира» такие авторы, как В.Рыбин и Б.Марков, высказываются по этому поводу еще более резко и грубо: «Позволим себе сделать... такой вывод: мы имеем дело с индивидуалистом. Это, кстати, объясняет и то, что Довлатова стали огромными тиражами печатать в послесоветское время и объявили великим классиком русской литературы (хотя к России его литература никакого отношения не имеет, так как не продолжает ни одной из традиций русской литературы): главным лозунгом демократов является индивидуализм...»².

Представление о Сергее Довлатове как о писателе, которого «очень трудно вписать в русскую традицию»³, восходит к позиции И.Брод-

ского⁴, П.Вайля⁵ и А.Гениса⁶ и связано с общей системой взглядов поколения диссидентов.

В эссе «О Серее Довлатове» И.Бродский пишет, что «образ человека, возникающий из его рассказов, – образ с русской литературной традицией не совпадающий и, конечно же, автобиографический»⁷. Неоднократные заявления о том, что Довлатов «собственным стилем не обладает», о наличии у него «западной стилистической техники» принадлежат известным критикам П.Вайлю и А.Генису⁸. В доказательство своей позиции Вайль приводит лишь тот факт, что писатель стремится к внятной, простой конкретности, краткости предложений для повышения «удельного веса» каждого, что было свойственно Хемингуэю⁹. Бездоказательными, не подкрепленными примерами, кажутся и утверждения Вайля об излишней сдержанности довлатовского стиля: «... ни напора на читателя, ни претензий на особую духовность, ни учительства, ни пафоса. Все словарные значения термина «understatement», фирменного знака американской словесности, – «преуменьшение», «сдержанное высказывание», «умолчание» – подходят ко всем элементам довлатовской прозы»¹⁰. В другой статье Вайль продолжает мысль о влиянии на творчество Довла-

⁰ Доброзракова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью. E-mail: deva_roza@list.ru

¹ Рохлин Б. Кто отражается в зеркале // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 407.

² Рыбин В., Марков Б. Развенчание кумира // Литературная Россия. – 2005. – № 45. – С. 6.

³ Генис А. Молоко, конечно, скисло, но... / Беседу вела Т.Вольтская // Лит. газета. – 1998. – № 23. – С. 10.

⁴ Бродский И. О Серее Довлатове // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 299.

⁵ Вайль П. Он до своей славы не дожил несколько месяцев. Исполнилось 10 лет со дня смерти Сергея Довлатова / Беседовала Т.Вольтская // Лит. газета. – 2000. – № 37. – С. 10.

⁶ Генис А. Молоко, конечно, скисло, но... – С. 10.

⁷ Бродский И. О Серее Довлатове // Звезда. – 1992. – № 2. – С. 4.

⁸ Рогов О. Фотография на картоне // Волга. – 1993. – № 1. – С. 158.

⁹ Вайль П. Довлатов на Бродвее // Иностранная литература. – 1995. – № 6. – С. 171.

¹⁰ Там же. – С. 173.

това западной литературной традиции, в первую очередь, «американской школы»: «... короткая фраза, словарь, что называется первого ряда, без витиеватостей, принижение всяческого пафоса, сдержанность юмора»¹¹, скупость средств во всех отношениях. «Вообще Довлатов совершенно не русское явление, поскольку у него вкус и чувство меры играют гораздо большую роль, чем талант. В традиционном русском понимании таланта у него было немного – он не мог придумать сюжета, каких-то воображаемых ситуаций»¹². В то же время Вайль видит в произведениях Довлатова «отчетливый чеховский комплекс отсутствия большой формы», оговариваясь при этом, что такой «комплекс» известен не только русской литературе (О.Генри, например)¹³.

А.Генис в интервью с Т.Вольтской в «Литературной газете» заявляет, что «Довлатов не очень похож на русского писателя»¹⁴. Тем не менее, в докладе «Пушкин и Довлатов», сделанном на Первой международной конференции, посвященной памяти Довлатова, тот же Генис убедительно показывает, что именно Пушкин является ключом к пониманию Довлатова. Противоречивость своих воззрений Генис объясняет таким образом: «Ведь Пушкин не кажется нам русским, он кажется нам европейским писателем, ренессансным. Пушкин – это нечто выходящее за пределы русской традиции. Или, вернее, так: он основал русскую традицию, но никто не последовал за ним. Если мы сравним Пушкина с Толстым и Достоевским, то мы увидим, что Толстой и Достоевский – русские писатели, а Пушкин – никакой, он просто Пушкин, и все»¹⁵.

Выражая свою точку зрения, Генис во многом следует за высказываниями самого Довлатова, который подробно изложил свои взгляды на то, какой должна быть литература, каковы должны быть функции писателя в обществе и каким представляется ему процесс развития русской литературы, в лекции «Блеск и нищета русской литературы», прочитанной 19 марта 1982 года в университете Северной Каролины. Можно сказать, что уже тогда сформировались убеждения Довлатова, высказанные им в статьях и интервью последних лет жизни. Слабые стороны русской литературы писатель видел в том, что она брала на себя не характерные для нее функции «заботы о народном благе, призывов к просве-

щению и не в последнюю очередь – захватывающей и убедительной нравственной проповеди», «из явления чисто эстетического, сугубо художественного литература превращалась в учебник жизни»¹⁶.

В своем выступлении автор отводит особую роль в русской литературе А.С.Пушкину, который, по мнению Довлатова, стоял выше нравственных и идеологических претензий: «Пушкин творил, если можно так выразиться, в режиме природы, сочувствовал ходу жизни в целом, был способен выразить любую точку зрения, и его личные общественно-политические взгляды в данном случае совершенно несущественны. Герои Пушкина редко предаются абстрактным рассуждениям, и если даже это происходит, то предметом рассуждения чаще всего оказывается художественное творчество, чему примером может служить «Маленькая трагедия» Пушкина «Моцарт и Сальери» (4; 356 – 357).

Писатель делает вывод о том, что творчество А.С.Пушкина «было победой чистого эстетизма над общественно-политическими тенденциями проповедничества и морализаторства в литературе», в то время как явившиеся ему на смену Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский «в той или иной степени стали жертвами своих неудержимых попыток выразить себя в общественно-политических и духовно-религиозных сферах деятельности» (4; 357).

Эта точка зрения Довлатова удивительным образом совпадает с восприятием творчества Пушкина одним из самых любимых довлатовских авторов – Михаилом Зощенко, который в предисловии к «Шестой повести Белкина» (под названием «Талисман») писал: «...относительно Пушкина у меня всегда был особый счет. Не только некоторые сюжеты Пушкина, но и его манера, форма, стиль, композиция были всегда для меня показательны»; «занимательность, краткость и четкость изложения, предельная изящность формы, ирония – вот чем так привлекательна проза Пушкина»; «...вместе с Пушкиным погибла та настоящая народная линия в русской литературе, которая была начата с таким удивительным блеском и которая (во второй половине прошлого столетия) была заменена психологической прозой, чуждой, в сущности, духу нашего народа»¹⁷.

Взгляды Довлатова на роль Пушкина в русской литературе во многом оказываются одинаковыми и с позицией символистов, с которых на

¹¹ Вайль П. Он до своей славы не дожил несколько месяцев... – С. 10.

¹² Там же.

¹³ Вайль П. Формула любви // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. – СПб.: 1999. – С. 183.

¹⁴ Генис А. Молоко, конечно, скисло, но... – С. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов С. Собр. соч.: В 4 т. – СПб.: 2004. – Т. 4. – С. 355. Далее цитаты приводятся по этому изданию – в скобках первая цифра обозначает том, вторая – стр.

¹⁷ Зощенко М. Шестая повесть Белкина // Избранное: В 2 т. – Минск: 1983. – Т.1. – С. 495.

рубеже XIX – XX веков началось художественно-философское осмысление пушкинского творчества. В 1899 г. Вл. Соловьев выступил с большой программной статьей «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», где писал: «Пушкинская поэзия есть поэзия по существу и по преимуществу... Единственно крупное и важное, что он знал за собой, был его поэтический дар: ясно, что ничего обще-значительного он не мог от себя заранее внести в поэзию, которая и оставалась у него чистой поэзией, получившей свое содержание не извне, а из себя самой»¹⁸. Именно символизм развил и продолжил эстетический культ Пушкина, унаследованный от 80-х годов.

Эстетический культ Пушкина проповедовался и Довлатовым, о чем свидетельствуют его статьи и интервью, а также стилистика и поэтика повести «Заповедник». Вслед за Зощенко и представителями Серебряного века выделяя особое положение Пушкина в отечественной литературе, Довлатов представляет ее историю как историю «борьбы за сохранение ее эстетических прав, за свободное развитие ее в рамках собственных эстетических законов, ею самую установленных» (4; 355). Несомненно, эти слова были вполне правомерными: русскую литературу долгие годы душили рамки соцреализма. Многие писатели смирялись перед исторической необходимостью или шли на компромисс. Довлатов же не мог принять систему официальной лжи, искал возможности обновления национальной литературы, ратовал за возрождение эстетических принципов, идущих, прежде всего, от Пушкина.

Если внимательно перечитать адресованные русским читателям статьи и интервью Довлатова последних лет жизни, в которых он старается осмыслить свое место в литературе, прояснить свое отношение к американской и русской традициям, то можно найти ответ на интересующий нас вопрос: где искать генеалогические корни прозы Сергея Довлатова? Позиция писателя прослеживается весьма четко и имеет свои предпосылки. Дело в том, что формирование эстетических взглядов Довлатова в 60-е годы XX века совпадает с эпохой «оттепели», открывшей для читателей доступ к произведениям, которые от нескольких поколений тщательно скрывались, – в том числе к образцам американской литературы, переводы которых по своим художественным достоинствам были гораздо выше средней советской прозы. Так, в интервью с Джейн Бобко для популярного калифорнийского еженедельника «Трипенни'с ревью» (опубликовано на русском языке в журнале «Семь дней» в 1984 году) Довлатов замечает: «... Я вырос под влия-

нием американской прозы, вольно или невольно подражал американским писателям...»¹⁹. Двадцатилетний Довлатов, увлекавшийся чтением западных авторов, русской классике, которая, однако, «всегда была дорога», отводил второе место. Но когда писатель оказался на Западе, когда стал активно писать и публиковаться, то понял, что русская литература для него все-таки ближе²⁰.

В статье «Кто такие Вайль и Генис?» («Панорама», 1989 г.) Довлатов, настойчиво называя себя наследником российских культурных традиций, заявляет о любви к русской литературе, о причастности к ней. О своей приверженности русским литературным традициям Довлатов говорит и в интервью с Виктором Ерофеевым для журнала «Огонек» (июнь 1990 г.), где признается: «... и только в Америке выяснилось, что меня больше интересует русская литература...» (а не западная); автор однозначно считает себя ее наследником: «... за мной, как за каждым из нас, кто более или менее серьезно относится к своим занятиям, стоит русская культура»²¹. Статья «Литература в опасности – это нормально», появившаяся в «Литературной газете» незадолго до смерти Довлатова, в августе 1990 года, важна открыто выраженным заявлением писателя о том, что ему чужды «какие-нибудь пост-пост и еще раз постмодернисты»²².

По воспоминаниям И.Сермана, «С.Довлатов неоднократно заявлял, что, в отличие от писателей-авангардистов, он в своем творчестве сознательно ориентировался на русскую классику и в первую очередь на А.Пушкина: современные писатели, мне кажется, учатся явно и заметно – у Достоевского, Ремизова, Булгакова, Пильняка, Зощенко и так далее, но при этом совсем нет учеников и последователей (пусть самых маленьких, несоизмеримых, крошечных) – у Пушкина. Пушкин существует как икона, но не как учебное пособие. А между тем я совершенно однозначно считаю, что проза Пушкина – лучшая на русском языке, конкретно – «Капитанская дочка», и в еще большей степени – «Повести Белкина». И главное тут не простота и ясность Пушкина, а еще и нечто большее.

Читая Пушкина, видишь, что проза может обойтись без учености, без философии и рели-

¹⁹ Бобко Д. Интервью с С. Довлатовым // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 564 – 565.

²⁰ Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. – М.: 1991. – С. 86.

²¹ Довлатов С. Дар органического безлобия (Интервью с журналистом и писателем С.Довлатовым) / Взял В.Ерофеев / Записала Е. Веселая // Огонек. – 1990. – № 24. – С. 28.

²² Довлатов С. Литература в опасности – это нормально: О проблемах литературы // Лит. газета. – 1990. – № 33. – С. 4.

¹⁸ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М.: 1998. – С. 22.

гии, даже без явной, подчеркнутой духовности. То есть достаточно, как следует рассказать историю, житейский случай, и глубина жизни, ее духовное содержание и все прочее – проявятся сами собой. Чудо «Повестей Белкина» именно в том для меня, что это всего лишь «случаи из жизни», рассказанные без затей. «Ни одну книгу я не перечитывал столько раз, сколько «Белкина», может, раз тридцать»²³.

Здесь опять мнение Довлатова перекликается с мнением Зощенко о том, что «...проза Пушкина – драгоценный образчик, на котором следует учиться писателям нашего времени... Конечно, в наши дни не должно быть слепого подражания Пушкину. Ибо получится безжизненная копия, оторванная от нашего времени. Но иногда полезно сделать и копию, чтоб увидеть, каким секретом в своем мастерстве обладал великий поэт и какими красками он пользовался, чтоб достичь наибольшей силы»²⁴.

Взяв на вооружение творческий опыт Пушкина, Довлатов считал: «внуки будут оценивать наши достижения только по эстетической шкале... Из методологической разработки относительно того, как жить и «что делать», литература превратится в захватывающее явление самой жизни»²⁵. Таким образом, не столько «простота и непритязательность, особенно поразительная в эпоху, характеризующуюся напряженностью и даже экстравагантностью художественных поисков»,²⁶ как считает Ю.Е.Власова, привлекают современного писателя к прозе классика, сколько совершенно сознательная эстетическая позиция Довлатова, в которой находятся точки соприкосновения с художественным мировоззрением Пушкина.

В критических и исследовательских работах 1990-х годов рассматривается вопрос о наследовании Довлатовым традиций значительного ряда классиков русской литературы, в том числе Пушкина. Так, О.Рогов называет Довлатова «потомком Пушкина в отечественной литературе, мастером, творчество которого есть пример высокой духовности и чистого эстетизма»²⁷; А.Генис говорит об общей для Довлатова и Пушкина «философии полярности, которая не исключает противоречий»²⁸; М.Ремизова²⁹ и

Н.Выгон³⁰ видят в авторе продолжателя пушкинско-гоголевской темы «маленького человека». Ю.Орлицкий указывает, что Пушкин «просвечивает» в прозе Довлатова благодаря использованию различных стиховых приемов, таких, например, как внесение в структуру прозы силлабо-тонического метра³¹.

Анализируя стиль, языковое своеобразие и особенности речевой организации произведений Довлатова, И.Каргашин резюмирует, что его проза «во многом сознательно ориентирована на определенные традиции русской повествовательной культуры», в первую очередь, на Пушкина. «Простота и ясность, краткость и точность довлатовского стиля... ставят его творчество в контекст классической русской литературы»³².

Особого внимания среди исследований 1990-х годов заслуживают монография И.Сухих «Сергей Довлатов: Время, место, судьба» и филологический роман А.Гениса «Довлатов и окрестности». В монографии И.Сухих дается обоснование эстетической позиции Довлатова, противопоставленной не столько русским классическим традициям, сколько социалистическому реализму, который во многом заимствовал «писательскую парадигму» второй половины XIX века, подхватил лозунги о службе писателя народу, о тенденциозности и идейности художественной литературы. Противостояние официальной литературе заставляло Довлатова искать «окно в иную реальность», чем явились для него «обычные слова, которые погружают в некий эстетический транс», но, чтобы выстроить «лучшие слова в лучшем порядке», нужны были «мысли и мысли», и, размышляя, Довлатов нередко обнаруживал «свое» «в чужом и вроде бы далеком»³³. Сухих видит в довлатовской прозе и голоса русских поэтов: А.Блока, О.Чухонцева, А.Кушнера, И.Бродского, О.Мандельштама, Б.Пастернака, – и отдельные черты, выражающиеся в обработке цитат, реминисценциях, структурном воспроизведении образа, русских прозаиков: А.Пушкина, Л.Толстого, А.Чехова, М.Горького, М.Булгакова, М.Зощенко, А.Платонова, И.Бабеля, И.Ильфа, Л.Добычина, В.Гольякина, «горожан» (И.Ефимова, Б.Вахтина) и

²³ Серман И. Гражданин двух миров // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 192.

²⁴ Зощенко М. Шестая повесть Белкина // Избранное: В 2 т. – Минск: 1983. – Т. 1. – С. 495.

²⁵ Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. – М.: 2006. – С. 260 – 261.

²⁶ Власова Ю.Е. Жанровое своеобразие рассказов С.Довлатова: Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – М.: 2001. – С. 106.

²⁷ Рогов О. Фотография на картоне // Волга. – 1993. – № 1. – С. 155.

²⁸ Генис А. Молоко, конечно, скисло, но... – С. 10.

²⁹ Ремизова М. Компромисс с абсурдом // Независимая газета. – 1994. – № 123. – С. 7.

³⁰ Выгон Н.С. Проза Сергея Довлатова. К вопросу об эволюции героя в русской прозе XX века // Научные труды Моск. пед. гос. ун-та им. Ленина. Сер.: Гуманитарные науки. – М.: 1994. – Ч. 1. – С. 18.

³¹ Орлицкий Ю.Б. Стиховое начало в прозе «третьей волны» // Литература «третьей волны»: Сборник научных статей. – Самара: 1997. – С. 45 – 46.

³² Каргашин И.А. Освобожденное слово: (Поэтика прозы Сергея Довлатова) // Там же. – С. 267 – 268.

³³ Сухих И. Сергей Довлатов: Время, место, судьба. – СПб.: 1996. – С. 38.

других представителей «ленинградской школы» (Рида Грачева, В. Попова).

Отмечая, что повесть «Зона» написана Довлатовым в манере Хемингуэя и Ш.Андерсона, Сухих делает важную оговорку: «Стиль «русского Хемингуэя» (а другого Довлатов не читал) был создан переводчиками тридцатых годов, кажется, не без влияния русской же традиции. Всякий, внимательно читавший русскую классику, вспомнит этот ритмический рисунок... Голая, бедная, синтаксически простая фраза... с редкими фонариками эпитетов или метафор – и постоянно прорастающий сквозь нее лиризм, за счет, обычно трехчленных, повторов, анафор и инверсий, временами превращающих текст в настоящие стихи, только записанные в строчку»³⁴. Автор монографии делает вывод о том, что пушкинский и хемингуэевский ритмический рисунок оказываются похожими, эта «пушкинско-хемингуэевская интонация» и используется в довлатовских сюжетах. Таким образом, рассматривая подробнейшим образом литературную эволюцию Довлатова, И. Сухих обосновывает его органическую связь с классиками русской литературы.

В филологическом романе А.Гениса «Довлатов и окрестности» также немало место уделяется вопросам литературной преемственности, в необходимость которой, по замечанию автора, так верил Довлатов, высказавшись об этом на конференции «третьей волны» в Лос-Анджелесе: «Любой из присутствующих может обнаружить в русской культуре своего двойника»³⁵. Генис отмечает в творчестве Довлатова продолжение традиций таких русских писателей, как А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, А.П.Чехов, акцентируя внимание на особенной близости автору пушкинского мировосприятия. Анализируя повесть «Зона» и «Заповедник», Генис сопоставляет довлатовского рассказчика с повествователем из «Повестей Белкина»: «мне кажется, Довлатов узнавал себя в Гриневе. В самом деле, Гринев, как надзиратель в «Зоне», – всегда меж двух огней...»³⁶. Автор филологического романа считает, что важнее прямых аналогий – само пушкинское мировоззрение.

В статье «Критика как прием»³⁷, являющейся отзывом на филологический роман «Довлатов и окрестности», М.Липовецкий обращает внимание на то, что А.Генису удалось выделить три важнейших взаимосвязанных принципа поэтики Довлатова, которые в чем-то не совпадают с русской литературной традицией, а в чем-то сбли-

жаются с ней: 1) *создание писателем «парадоксальной версии» реализма, противоположного соцреализму*, в полной мере унаследованному советскими «шестидесятниками», – действительность в изображении Довлатова не представляет собой иллюстраций к социальным проблемам; автор избегает типизации, внося в произведения элемент документальности, и абсолютизирует точность детали, в связи с чем А.Генис апеллирует к искусству хокку и Хармсу. [Здесь следует заметить, что такие авторы, как Н.Елисеев, Н.Выгон, А.Карпов, не поддерживают точку зрения А.Гениса на то, что проза С.Довлатова внесоциальна. По мнению Н.Елисеева, хотя писатель «слишком часто твердил о том, что искусство бестенденциозно и внеморально, – почти в каждой своей вещи не мог не «провести свою тенденцию». <...> «Асоциальным», «внеморальным» Довлатов был столь же мало, как и «беззлобным»³⁸. Как указывает Н.Выгон, «непрямая оценка... осуществляется Довлатовым при помощи приема «монтажа». Рассказ-эпизод, обладающий художественной законченностью и входящий в цикл, может предвдаться микроновеллой, письмом, репликой, цитатой... Этого монтажного стыка достаточно, чтобы без авторских инвектив художественно убедительно показать социальные причины «аморального» поведения героев»³⁹. А.С.Карпов считает: «Довлатов не морализирует, не учит жить. А вместе с тем каждый из его рассказов (существуя самостоятельно, они нередко объединялись в рамках повести, книги), по словам самого писателя, нес «нравственный смысл», заставлял читателя задуматься о собственной жизни, в которой так часто истинное подменено нагромождением нелепостей»⁴⁰]; 2) *внимание к абсурду и хаосу* соединяется у Довлатова с тягой к целостности мировосприятия и миропонимания, что объединяет его с русской культурной традицией – отличие Довлатова от постмодернистов заключается в его исканиях «нормы»; 3) *единство текста в произведениях* Довлатова, где иллюзия реалистичности определяет «план выражения», а абсурд, хаос, пустота – «план содержания», реализуется за счет центрального героя, роль которого выполняет сам автор и который уже знаком русской литературе. М.Липовецкий отмечает сходство довлатовского автобиографического

³⁴ Там же. – С. 113.

³⁵ Генис А. Довлатов и окрестности. Филологический роман. – М.: 1999. – С. 56.

³⁶ Там же. – С. 177 – 178.

³⁷ Липовецкий М. Критика как прием // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 44. – С. 351 – 358.

³⁸ Елисеев П. Человеческий голос // Новый мир. – 1994. – № 11. – С. 212, 213.

³⁹ Выгон Н.С. Проза Сергея Довлатова. К вопросу об эволюции героя в русской прозе XX века // Научные труды Моск. пед. гос. ун-та им. Ленина. Сер.: Гуманитарные науки. – М.: 1994. – Ч. 1. – С. 17.

⁴⁰ Карпов А.С. Свой среди своих // Русская словесность. – 1996. – № 2. – С. 43.

героя с героями «Конармии» И.Бабеля и «Зависти» Ю.Олеша⁴¹.

Таким образом, в споре 1990-х годов о том, чьи же литературные традиции продолжает Довлатов, более доказательной звучит позиция тех авторов, которые считали, что в его творчестве наблюдается своеобразное слияние русской литературной традиции с американской при доминирующем влиянии на его прозу русской классики. Нельзя не учитывать и того, что американскую литературу Довлатов знал только в русских переводах и, как отмечает В.Бондаренко, писатель испытывал лишь «раннее влияние Хемингуэя, Уитмена, Фроста и Сэлинджера, напитавшее его индивидуальное личностное начало, сформировавшее первичное понятие личностной свободы», которое «дополнилось и для его литературы, и для него самого постижением «повестей Белкина» и признанием, что «похожим быть хочется только на Чехова»⁴². В.Бондаренко справедливо замечает, что «либеральные друзья» Довлатова стремятся сделать из него «театрального героя». «Они навязывают ему игру в жизни и игру в искусстве. ... Он катастрофичен, а не артистичен. Отрицая важность для него сюжета, важность характера – они хотят лишить его неизбывной русскости художника. Они хотят его сделать вненациональным и космополитичным писателем, а у него и космополитизм – особый, русский... Как считает Довлатов, он всю жизнь безбоязненно и непредвзято воссоздавал историю человеческого сердца. Но эти сердца бились в людях спившихся и полубезумных, потерявших и нищих, живущих в его России»⁴³.

Тезис о том, что «у Довлатова не отвержение русской традиции, а парадоксальное ее соединение с традицией американской»⁴⁴, поддерживают Н.Елисеев, Аи Мория, Н.Выгон, А.Зверев, В.Анастасьев. Н.Елисеев считает, что «Довлатов соединяет разнородные вещи. Бориса Житкова и Франца Кафку, например – соединение «юго-западной школы» с «ленинградской»⁴⁵. А довлатовское «отречение» от традиций русской литературы называет эпатажем: «...Довлатова можно считать верным русской литературной традиции, ибо никакая другая литература не отвращалась так от острого сюжета, как русская реалистическая литература»⁴⁶. Н.Выгон, говоря, что «современным литературоведением убедительно до-

казан факт художественной преемственности в способе повествования и композиционных приемах Ш.Андерсона, учителя Фолкнера и Хемингуэя, по отношению к русской классической традиции: от «Записок охотника» Тургенева до рассказов Чехова», делает следующий вывод: «С.Довлатова, таким образом, можно считать наследником классической традиции по двум линиям сразу: прямой и «боковой»⁴⁷.

О.А.Вознесенская в диссертации «Проза Сергея Довлатова. Проблемы поэтики» (2000), обобщая исследования 1990-х годов, делает вывод, что «довлатовскому творчеству близок по мироощущению, по восприятию мира и человека в нем с его поисками смысла жизни и гармонии, как с окружающими, так и внутри себя сам дух русской классической литературы с ее гуманизмом, верой в «небесмысленность» и «небесполезность» человеческой жизни»⁴⁸. Автор исследования говорит о творческом соединении «двух основных традиций изображения человека в классической русской литературе: «лишний» человек с мятущейся душой, ищущим сознанием по воле обстоятельств становится «маленьким», так как занимает не слишком высокую социальную позицию»⁴⁹.

Изучение вопроса о характере преемственности в творчестве Довлатова было продолжено и в начале XXI века. Так, Б.Парамонов называет среди предшественников Довлатова раннего Чехова и Зощенко, сравнивает довлатовский стиль с пушкинским: «Его проза... приобрела то качество, которое столь редко в русской литературе: легкость... почти пушкинскую»⁵⁰.

Многие исследователи, говоря о продолжении пушкинских традиций в творчестве Довлатова, развивают мысль, высказанную в свое время еще Бродским, о том, что довлатовские произведения «написаны как стихотворения»⁵¹. «...Проза Пушкина, Зощенко, Хемингуэя приближается по емкости к стиху. Того же достигал и Сережа Довлатов» (В.Уфлянд)⁵². И.Сухих отмечает, что «стилистическими аналогами» прозы Довлатова «будут Пушкин, Мандельштам или Кушнер» – «это проза выделенного слова, четких контуров, ровного дыхания, размеренной и спо-

⁴¹ Липовецкий М. Критика как прием // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 44. – С. 355.

⁴² Бондаренко В. Плебейская проза Сергея Довлатова // Наш современник. – 1997. – № 12. – С. 269 – 270.

⁴³ Там же. – С. 270.

⁴⁴ Елисеев П. Человеческий голос // Новый мир. – 1994. – № 11. – С. 223.

⁴⁵ Елисеев П. Человеческий голос... – С. 224.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Выгон Н.С. Проза Сергея Довлатова... – С. 19.

⁴⁸ Вознесенская О.А. Проза Сергея Довлатова: Проблемы поэтики: Диссертация... канд. филолог. наук. – М.: 2000. – С. 67.

⁴⁹ Там же. – С. 71 – 72.

⁵⁰ Парамонов Б. После филиала // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. – Нью-Йорк; Тверь: 2001. – С. 135.

⁵¹ Бродский И. О Сереже Довлатове ... – С. 67.

⁵² Уфлянд В. Утром на «вы», вечером на «ты» // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 432.

койной интонации»⁵³. С.Иванова называет довлатовского героя «лирическим героем», как если бы речь шла о стихах⁵⁴. «Строением прозы по законам стиха» объясняет В.Куллэ такие загадки довлатовской прозы, «как бесконечно варьирующиеся, повторяющиеся из произведения в произведение сюжеты, зарисовки, персонажи-маски...»⁵⁵.

Как диалог с другим своим предшественником – Ф.М.Достоевским – в статье «Тема «мертвого дома» в творчестве Сергея Довлатова: традиции и новаторство»⁵⁶ рассматривает повесть Довлатова «Зона» Э.Ф.Шафранская. Автор исследования ставит «Зону» в один ряд с «Записками из мертвого дома» и другими произведениями русской «каторжной» литературы XIX – XX вв. Указывая на перекличку между произведениями Достоевского и Довлатова, которая содержится даже в названиях, Э.Ф.Шафранская приходит к выводу, что обращение посредством аллюзий и реминисценций к Достоевскому – писателю-философу, писателю-психологу – помогает Довлатову создать произведение с глубоким, богатейшим подтекстом. Появление «Зоны» способствовало новому осмыслению темы острога – тюрьмы – каторги в русской литературе, т.к. Довлатов ставит знак равенства между острожником и стражником, дает амбивалентное изображение зоны как одного из явлений русской жизни. [Заметим, что амбивалентность как «сопроникновение противоположных начал» (Ю.Манн) очень свойственна поэтике Н.В.Гоголя, влияние которого на творчество Довлатова еще не изучено.]

Обращает на себя внимание факт появления в последние годы (2001 – 2007) значительного количества диссертаций, авторы которых обратились к исследованию творчества С.Довлатова. Так, в диссертационной работе Ю.Е.Власовой «Жанровое своеобразие прозы Довлатова» с большой полнотой выявлена и охарактеризована связь Довлатова с русской (А.Чехов, М.Зощенко, В.Шукшин) и американской (Ш.Андерсон, Э.Хемингуэй) литературными традициями. Этой проблеме посвящена одна из глав диссертации. Как отмечает автор, опыт Чехова сказался на отточенности стиля, принципах раз-

вития сюжета (предельное сокращение экспозиции или ее отсутствие, подробная мотивировка действия), обостренности конфликта, открытости финала, использовании анекдота. Чрезвычайно значимыми для Довлатова, по мнению Ю.Е.Власовой, оказываются и уроки М.Зощенко: творчеству Довлатова присущ демократизм; столь ярко представленная в довлатовской прозе форма сказа привлекает автора достоверностью речи, исповедальностью тона, безыскусностью⁵⁷. Автор диссертации повторяет вслед за О.А.Вознесенской, что в изображении персонажей рассказов Довлатова синтезируются две традиции, восходящие к классической литературе: персонаж этот одновременно «лишний» и «маленький».

С другой стороны, в американской литературе Довлатова привлекали сюжетная острота, краткость, внимание к деталям повседневности, точность бытовых зарисовок, глубина подтекста, неожиданность и быстрота развязки. У Андерсона писатель перенимает композиционный принцип, когда сюжетно не связанные короткие рассказы, каждый из которых воспринимается как законченное произведение, объединяются в «роман пунктиром». Что касается хемингуэевской традиции в творчестве Довлатова, то, по мнению Ю.Е.Власовой, восходит к американскому писателю манера «выстраивать текст как словесную структуру, где смысл не выявлен прямо, где слово не служит выражением мысли, которая, однако, читателю открывается»⁵⁸. Объяснение художественного совершенства прозы Довлатова автор исследования видит в способности писателя «воспринимать, осваивать опыт литературы, возникшей и развивавшейся на совершенно иных основаниях»⁵⁹.

В диссертационных работах К.Г.Дочевой «Идентификация личности героя в творчестве Сергея Довлатова» и И.З.Вейсман «Ленинградский текст С.Довлатова», наряду с другими проблемами, рассматривается вопрос о продолжении Довлатовым пушкинских традиций и о функционировании в повести «Заповедник» пушкинского мифа. В исследовании К.Г.Дочевой сделана попытка продолжить анализ повести «Заповедник», начатый А.Генисом. Автор диссертации делает важный вывод о том, что Пушкин является уникальным образцом идентифи-

⁵³ Сухих И. Довлатов и Ерофеев: соседи по алфавиту // Там же. – С. 549.

⁵⁴ Иванова С. Нелишний человек // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. – Нью-Йорк; Тверь: 2001. – С. 93.

⁵⁵ Куллэ В. Бессмертный вариант простого человека // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 486.

⁵⁶ Шафранская Э.Ф. Тема «мертвого дома» в творчестве Сергея Довлатова: традиции и новаторство // Актуальные проблемы литературы: Комментарий к XX веку. Материалы межд. конф. – Калининград: – 2001. – С. 126 – 135.

⁵⁷ Власова Ю.Е. Жанровое своеобразие рассказов С.Довлатова: Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – М.: 2001. – С. 17.

⁵⁸ Там же. – С. 21.

⁵⁹ Там же. – С. 164 – 165.

кационной практики главного героя, генератором его лирических переживаний⁶⁰.

Автор диссертационного исследования «Ленинградский текст С.Довлатова» И.З.Вейсман отмечает, что чаще, чем к фигуре какого-либо другого писателя, Довлатов обращается именно к личности и творчеству Пушкина – основоположника Петербургского текста русской культуры. Анализируя в одном из разделов исследования, посвященном пушкинскому пласту в ленинградском тексте Довлатова, повесть «Заповедник», Вейсман обращает внимание, в основном, на те моменты, о которых уже упоминали предшествующие исследователи: И.Сухих, А.Генис, К.Дочева, – несколько подробнее развивая мысль Гениса о стремлении Довлатова заменить «ложный миф» о Пушкине настоящим⁶¹: «Довлатовское описание пушкинского заповедника выглядит как иллюстрация советского мифа «Пушкин – наше все».

Подобные эпизоды возникают и в других довлатовских текстах. В нарочито сниженной ситуации имя Пушкина появляется как некий первый сигнал, возникающий на рефлекторном уровне, когда речь заходит о русской литературе. Таким образом, Довлатов в карикатурном виде демонстрирует абсурдность бытования советского мифа «Пушкин – солнце русской поэзии», выросшего из меткого замечания критика. <...> Для писателя важно не только «проиграть» миф: одной из целей, которую преследует С.Довлатов, является демифологизация пушкинского мифа, попытка «вывода» Пушкина из автоматизма восприятия. Поиск «подлинного» Пушкина. Пушкин на фоне всеобщей «липы» становится мерилем истинного, непреходящего в мире. Имя Пушкина выступает маркером изменившегося времени, нравов, поколенческого и политического разрыва»⁶².

В диссертационной работе Ю.В.Федотовой «Проза С.Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда» делается попытка исследования экзистенциального сознания в художественном мире Довлатова, с одной стороны, и изучения поэтики абсурда как способа выражения миропонимания писателя – с другой. Считая, что постановка в довлатовских произведениях проблемы существования человека в мучительных размышлениях о смысле бытия является ключом к прозе писателя и позволяет соотне-

сти ее с экзистенциальной традицией в литературе (предтечей которой автор исследования называет Ф.Достоевского), Ю.В.Федотова ставит произведения Довлатова в один ряд с произведениями русских философов и писателей Н.Бердяева, Л.Андреева, А.Белого, В.Набокова и др., французских экзистенциалистов А.Жида, А.Камю, Ж.-П.Сартра и др., американских писателей «потерянного поколения» – Э.Хемингуэя, У.Фолкнера, Дж.Дос. Пассоса и др., а также европейских авторов Э.М.Ремарка и Р.Олдингтона⁶³.

Ж.Ю.Мотыгина – автор диссертации «С.Довлатов: Творческая индивидуальность, эволюция поэтики» и монографии «Творческая индивидуальность Сергея Довлатова» – приходит к выводу о том, что Довлатов относится к представителям ленинградской школы писательства с присущими ей чертами «шестидесятничества» и своеобразного этического релятивизма, которые сочетаются с сознательным следованием индивидуально понятым стилистическим и идеологическим аспектам русской литературной («пушкинско-чеховской») традиции, а также с преодоленными или не преодоленными следами учебы у американских (европейских) писателей»⁶⁴.

Итак, обзор научно-критических работ, освещающих вопрос относительно генеалогических корней творчества С.Довлатова, свидетельствует о том, что на этот счет в довлатоведении существует несколько точек зрения. Однако, рассуждая об истоках довлатовского стиля, почему-то никто из исследователей, кроме И.Сухих, не берет в расчет тот факт, что Довлатов принадлежал не просто к представителям ленинградской школы, а к представителям неофициальной ленинградской литературы: ни одно из его произведений не было напечатано в советском Ленинграде. Ленинградский андеграунд, как русская неподцензурная литература этого периода, развивался в противовес литературе социалистического реализма. Осознавая необходимость осуществлять преемственность с утраченным и забытым культурным наследием, неофициальная литература 1960 – 1980-х годов вернулась к модернизму и авангарду 1900 – 1920-х годов – периоду, предшествовавшему соцреализму, обретая в нем прерванную традицию. И, как показывает исследование Станислава Савицкого, для большинства представителей ленинградской неофициальной литературы главными ориентирами в творчестве были произведения В.Хлебникова, А.Крученых,

⁶⁰ Дочева К.Г. Идентификация личности героя в творчестве Сергея Довлатова: Дисс.канд.филолог. наук. – Орел: 2004. – С. 16.

⁶¹ Генис А. Пушкин // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 332.

⁶² Вейсман И.З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: Дисс.канд. филолог. наук. – Саратов: 2005. – С. 121 – 122.

⁶³ Федотова Ю.В. Проза С. Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда: Автореферат дис. канд. филолог. наук. – Череповец: 2006. – С. 5 – 6.

⁶⁴ Мотыгина Ж.Ю. Творческая индивидуальность Сергея Довлатова: Монография. – Астрахань: 2006. – С. 31.

Д.Хармса, А.Введенского, К.Вагинова⁶⁵. Одним из ключевых понятий неофициальной культуры был художественный абсурд, источником которого являлась иррациональная социальная действительность. Но довлатовская проза представляет собой такой способ отражения иррациональной действительности, который чрезвычайно далек от опытов Хармса.

Так, наблюдения над поэтикой повести «Заповедник»⁶⁶ помогают сделать важный вывод об особенностях творческой манеры Довлатова в контексте литературного процесса 70 – 80-х годов XX века: будучи представителем неофициальной литературы, писатель выбирает путь, отличный от других. Наиболее близкими Довлатову представителями литературной традиции начала XX века оказываются представители символизма (прежде всего, А.Блок) и акмеизма (Н.Гумилев, О.Мандельштам). Через «ассоциативно раскрепощенное слово» (В.Мусатов) русских символистов и Мандельштама Довлатов восходит именно к Пушкину, с его «чистым эстетизмом», принципами «точности и краткости», стремлением к аутентичности и гармонии, перенесением поэтических методов и приемов в прозу, умением вобрать в свои произведения лучшие достижения русской и мировой литературы. Пушкинские традиции в творчестве Довлатова исследованы в довлатоведении наиболее полно.

Благодаря особому мировосприятию Довлатова, в произведениях которого «норма и абсурд», «порядок и хаос» «являются гранями одного и того же явления, рассмотренного с раз-

личных точек зрения»⁶⁷, довлатовская поэтика вобрала в себя черты поэтики Н.В.Гоголя с характерным для нее приемом амбивалентного изображения абсурдной действительности. Приемы довлатовской поэтики, восходящие к гоголевской традиции, в полной мере еще не изучены. Кроме того, как показывают работы исследователей, немалое влияние на художественный опыт Довлатова оказало творчество Ф.М.Достоевского.

Завершая обзор литературоведческих трудов, затрагивающих вопрос о генеалогии довлатовской прозы, отметим: 1) утверждение о том, что Довлатов ориентировался в своем творчестве исключительно на традиции западной литературы, является неправомерным; 2) преемственность Довлатовым традиций русской классической литературы изучена еще не в полной мере и требует дальнейшего исследования.

⁶⁵ *Савицкий С.* Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной литературы). – М.: 2002. – С. 84, 144.

⁶⁶ *Доброзракова Г.А.* Повесть С.Довлатова «Заповедник» как часть Михайловского текста и пушкинского мифа // Доброзракова Г.А. Мифы Довлатова и мифы о Довлатове: Проблемы морфологии и стилистики: Монография. – Самара: 2008. – С. 64 – 151.

⁶⁷ *Богданова О.В.* «Битовский» вариант русского постмодерна (С.Довлатов, Т.Толстая, В.Пелевин) // Богданова О.В. Роман А.Битова «Пушкинский дом» (Версия и вариант» русского постмодерна). – СПб.: 2002. – С. 65.

S. DOVLATOV'S WORKS IN THE RUSSIAN LITERATURE TRADITIONS CONTEXT (STUDIES OVERVIEW)

© 2009 G.A.Dobrozrakova^o

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

The article is devoted to the research of the artistic experience succession of Russian classics in the prose by S.Dovlatov, the writer – emigrant. Examining different points of view on genealogical roots in the Dovlatov's works and analyzing S.Dovlatov's aesthetic attitudes the author comes to the conclusion that S.Dovlatov is the Russian writer, not the western one, the Russian classical literature exerted the dominating influence on his prose.

Keywords: the review of researches on S.Dovlatov's creativity, genealogical roots of prose, S.Dovlatov's aesthetic views, the western traditions, the Russian classical literature and Pushkin in creativity and in S.Dovlatov's prose.

^o *Dobrozrakova Galina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of PR Department. E-mail: deva_roza@list.ru*